

ОБОБЩЕНИЯ ИСКУШЁННОГО МОСКВИЧА

(Е.М. Бень, Этюды московского наблюдателя. Избранные эссе и смыслы. Предисловие П. Басинского. – М., Б.С.Г.-Пресс, 2023 – 396 с., илл.)

В книгу известного филолога-архивиста, а также издателя и мастера публицистического жанра Евгения Моисеевича Бень вошли литературоведческие статьи, которые сам автор обозначил как эссе, хотя это и не совсем так, как нам представляется – всё же это вполне полноценные исследовательские работы с широким использованием архивных материалов. Впервые собранные под единой обложкой статьи публиковались на протяжении разных десятилетий в периодических изданиях – еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Наше наследие», сетевых изданиях и др.

В предисловии под заглавием «Путешествие в прошлое, возвращение в настоящее» известный современный писатель и литературный критик Павел Басинский пишет, что автор затрагивает и «опасные темы» (с. 10), что совершенно справедливо, «отважно высказывает свою точку зрения» (там же). В последних разделах книги мы видим воспоминания автора о друзьях, коллегах, родителях, а также многочисленные интервью.

П. Басинский особо отмечает, что публицистические материалы Бень «охватывают пласты разных времён, в том числе и последние тридцать лет нашей жизни, от попытки государственного переворота 1991 года до короновирусного безумия...» (с. 10).

Это книга во многом, по замечанию П. Басинского, мыслится как итог многолетней деятельности автора, хотя ему ещё далеко до преклонного возраста. В литературоведческом разделе перед нами статьи Бень о литературе Серебряного века, прежде всего, о А. Блоке, являющимся главной любовью автора, если можно так сказать о предмете его многолетних занятий и разысканий. Мы целиком присоединяемся к мнению П. Басинского, который полагает, что наиболее значительной в этом плане является статья о поэме А. Блока «Двенадцать», которая ставится в один ряд с «прорывом Данте и Достоевского» (с. 16). «Одержимый праведным огнём, он сам (Блок – А.Р.) сжёг мосты между собой и гнилой почвой советских и постсоветских десятилетий» (там же) и написал свою «гениальную симфонию всеобщего бессмертия» (с. 53), которая являлась криком неподдельного отчаяния от всего того, что громко и нагло заявило о себе в первые послереволюционные годы. В поэме «Двенадцать», отмечает Бень, «сполна проявилась способность Блока взглянуть на мир глазами того или иного другого человека и голодного пса» (с. 56) – это разные персонажи – Катька, Ванька, буржуй, поп, старушка, вития, скорбящие о гибели России, двенадцать красноармейцев и т.д.

И автору представляется неслучайным, что после «Двенадцати» Блок больше стихов не писал, хотя этому есть и всякие другие причины, как говорят филологи, «нетекстового» характера.

Безусловно, нам свежи и интересны наблюдения автора по поводу жанра городского романа в поэзии А. Блока («Не пробуждай воспоминаний»), о миротворчестве Блока (Гамаюн, Сирия и Алконост, что в свою очередь содержит отсылку к символике имён в поэзии и поэтике Блока). Вспомним об этом давнюю, очень интересную работу М.В.Безродного «Имя в поэтическом сознании Блока», об архивных материалах Блока, хранящихся в РГАЛИ. Там, например, другая редакция стихотворения «Вот они – больные звуки...» (1903-04), посвящённого жене поэта Л.Д. Блок, а также биографические, мемуарные и эпистолярные материалы о поэте – как, к примеру, письма троюродного брата поэта Г.П. Блока, известного ленинградского литературоведа, тётке Блока, М.А. Бекетовой, касающиеся биографии отца Блока, Александра Львовича; деловые записки, а также переписка матери Блока А.А. Кублицкой-Пиотух с мужем, Ф.Ф. Кублицким-Пиотухом, где впервые публикуются ранее неизвестные материалы и сводки о работе Блока в Репертуарной секции Наркомпроса в 1918 году.

Заметим, что в этой книге помещён и мемуарный очерк Е.М. Бенья о Наталье Сергеевне Соловьевой (1913-1995), троюродной племяннице А. Блока (с ней некогда дружил и автор этой рецензии), она была по профессии техническим специалистом, но по подлинной аристократкой духа, чьи мысли, слова и поступки были чисты и ясны, — как чиста и благородна была вся её очень нелёгкая жизнь, наполненная заботами о людях и заступничеством «за униженных и оскорблённых». (с. 305).

Несколько статей книги посвящены изучению интересных и опять же малоисследованных аспектов биографии и творчества В.Ф. Ходасевича (1886-1939) — «О Владиславе Ходасевиче и его мемуарах», «Правда стекла», «Ходасевич и Айхенвальд» — который и в России, и в эмигрантский период своей жизни, самой личностью поэта, критика, мемуариста и прозаика способствовал тому, чтобы, по выражению В. Вейдле, «дом русской литературы не превратился в дом терпимости» (с. 86).

По поводу известной мемуарной книги В. Ходасевича «Некрополь» Е.М. Бень справедливо, как нам кажется, полагает, что в ней Ходасевич пишет исключительно о том, «что сам видел и слышал, стараясь скрупулёзно восстановить ткань отошедшего времени». При этом мемуары Ходасевича очень «личностны», но эта сторона никак не поглощает строго фактической основы, где личные воспоминания порой пересекаются с литературно-критическими размышлениями — очерки о Горьком, Брюсове, Есенине и др., где это своего рода «селение живых людей и город их похороненных иллюзий — цельное воплощение трагедии предреволюционного и послереволюционного времени, созданное пером независимого писателя, никогда не примыкавшего ни к символизму, ни к каким-либо последующим эстетическим течениям или идеологическим группировкам» (с. 102). Нам предоставляется такое определение очень тяжёлым и проникновенным.

В других статьях о Ходасевиче впервые публикуются его письма Г.И. Чулкову, Ю.И. Айхенвальду, Н.Н. Берберовой. В скобках не могу не вспомнить о том, что в далёком уже 1989 году я имел удовольствие присутствовать на встрече сотрудников ИМЛИ с Н.Н. Берберовой, приехавшей тогда ненадолго из США в Москву и проводившей, так сказать, пресс-конференцию. Впечатление, помнится, были захватывающим, интересным прежде всего от соприкосновения со старой, уже навсегда уходящей интеллигенцией.

В.Ф. Ходасевич, как уже было сказано, был исключительно честным, правдивым и бескомпромиссным литератором и человеком, конечно, в обычной жизни бывшим не из числа лёгких. Поэтому мы всецело присоединяемся к Е.М. Бенью, который пишет: «Теперь, во времена агрессивного цинизма, террора и демографического истощения многие из нас избегают заглянуть в зеркало, страшась того, что поэт назвал „правдой стекла“. Поэтому эпидемия самоутешительного обмана всё набирает силу» (с. 109).

В статье «Солнечный певец Константин Бальмонт» Е.М. Бень делает очень, на наш взгляд, важное замечание о том, что «пожалуй, ни у кого из русских поэтов не было столь характерного для Бальмонта культа солнца, огня, пожара, земли, воды, воздуха, ветра»... «Образы природы... наделены в поэзии Бальмонта в известной мере неизменным смыслом... и связаны с совокупностью мифологических стихий основ мироздания» (с. 126), будь то сборники «Горящие здания» (1899), «Будем как солнце» (1902) или же позднее стихотворение «Северное сияние» (1928), и носят более обобщённый и отвлечённый характер, нежели в классической лирике Державина, Пушкина, Жуковского, Тютчева, Фета. Никто из русских поэтов до Бальмонта так не абсолютизировал величие солнечного света (с. 126), и это было «естеством души Бальмонта» (с. 199), от себя добавим, души всё-таки в чём-то дисгармоничной.

В статье «Бессмертный роман Фёдора Сологуба» Е.М. Бень устанавливает во многом по-новому литературный генезис сологубовского «Мелкого беса». Его предтечами оказываются, по мнению автора, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Нос», «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, затем «Двойники», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Смерть чиновника», «Злой мальчик» и «Человек в футляре» А.П. Чехова, отчасти ранняя проза А.М. Ремизова. Мотивы нравственного хаоса и распад морально больного главного героя «Мелкого беса», провинциального гимназического педагога Арнольда Борисовича Передонова в послереволюционную пору дают о себе знать, по мнению автора, в «Дьяволяде» и «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова, в прозе М.М. Зощенко с его убийственным изображением угрюмого обывательского мира, а сюжетная близость Передонова с героем «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова Исполнителем Матвеевичем, в первую очередь, проявляется в том, что дурные порочные страсти героев приводят к «убийству посредством перерезания горла» (с. 145).

А в современной русской литературе, как представляется Е.М. Бенью, наиболее последовательным продолжателем традиций прозы Ф. Сологуба выступил Ю.В. Мамлеев.

Один из крупнейших русских поэтов-символистов Андрей Белый в статье «Неприкаянный странник Андрей Белый» определяется как «обнажённый нерв, к тому же нерв наэлектризованный» (с. 147). Поэтому его творческая и человеческая судьба — это вечная неприкаянность, своего рода духовная бездомность. Этим были обусловлены и столь памятные современникам и знакомым его странности, чудачества, эксцентризизм поведения, а также во многом и литературно-эстетические искания. От полного саморазрушения А. Белого, по мнению автора, предохраняло, очевидно, только одно творчество, осуществлять которое в послереволюционное время, особенно этому абсолютному интеллигенту, во многом не от мира сего,

было трагически сложно. Ведь он был вскормлен и всегда обращён внутренним взором к безвозвратно ушедшему и растоптанному тогда Серебряному веку русской литературы.

Личные и литературные отношения Анны Ахматовой, Г.И. Чулкова и его жены Н.Г. Чулковой – в центре внимания статьи Бена «Анна Ахматова и Чулковы».

Коллизии недавней отечественной истории, сопряжённые с личными воспоминаниями и впечатлениями, а также многие современные социально-экономические проблемы (и политические, конечно, тоже) раскрываются Беном в статьях «Недорогой Леонид Ильич», «На машине времени в брежневский СССР», «Август 1991 года», «Горбачёв и опыт переломной эпохи» и многих других. Точно также остро и проблемно автор пишет о кино и телевидении; о вытеснении книжной литературы и культуры интернетом. Автор также не оставляет без внимания и проблемы экологии во вселенском масштабе и многое другое.

В разделе «Негаснущий свет» читатели могут ознакомиться с воспоминаниями о РГАЛИ /ЦГАЛИ, где работал автор, об одной из ведущих сотрудниц архива – К.Н. Суворовой, вместе с которой автор исследовал материалы из архива Блока, о Льве Аннинском (1934-2019), о котором очень точно и столь проникновенно сказано, что он достиг невероятных вершин в литературоведении. Это был литературовед и критик, которому была присуща такая прозорливость и мастерство обобщений, которые делали Льва Аннинского не просто очень большим писателем, а летописцем русской литературы, будь то особенно любимый им Лесков или Лев Толстой, или Мельников-Печерский – огромный пласт поэзии XX века. Все это проникнуто редкостным сплавом научного анализа, литературного мастерства и «мелеющей душу гуманности» (по выражению В.Г. Белинского) (с. 234).

Кроме того, в книгу вошли мемуары, очерки и заметки о Римме Казаковой, Георгии Белле и других известных людях, встреченных Беном на его жизненном пути. Написал он также о своих корнях, своих родственниках, и этим также запечатлел своё время – оно у него получилось живое и дышащее.